

ЛАЗАРЬ ЛАГИН

СТАРИК ХОТТАБЫЧ

Иллюстрации Генриха Валька

#эксмогетство

Москва
2018

УДК 821.161.1-3-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л14

Лагин, Лазарь Иосифович.
Л14 Старик Хоттабыч / Лазарь Иосифович
Лагин ; ил. Генриха Валька. — Москва : Эксмо,
2018. — 384 с. : ил. — (Классика).

УДК 821.161.1-3-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97476-4

© Л. Лагин, наследники, 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ОТ АВТОРА

В книге «Тысяча и одна ночь» есть «Сказка о рыбаке». Вытянул рыбак из моря свои сети, а в них — медный сосуд, а в сосуде — могучий чародей, джинн. Он был заточён в нём без малого две тысячи лет. Этот джинн поклялся очастливить того, кто выпустит его на волю: обогатить, открыть все сокровища земли, сделать могущественнейшим из султанов и, сверх всего, выполнить ещё три его желания.

Или, например, «Волшебная лампа Аладдина». Казалось бы, ничем не примечательная старая лампа, можно сказать — просто утиль. Но стоило только потерять её — и вдруг неведомо откуда возникал джинн и выполнял любые, самые невероятные желания её владельца. Вам удобны редчайшие яства и пития? Пожалуйста. Сундуки, по самые края наполненные золотом и драгоценными камнями? Готово. Роскошный дворец? Сию же минуту. Превратить вашего недруга в зверя или гада? С превеликим удовольствием.

Предоставь такому чародею по собственному вкусу одарить своего повелителя — и снова посыпались бы всё те же драгоценные сундуки, всё те же султанские дворцы в личное пользование.

По понятию джиннов из старинных волшебных сказок и тех, чьи желания они в этих сказ-

как выполняли, это и было самое полное человеческое счастье, о котором только и можно было мечтать.

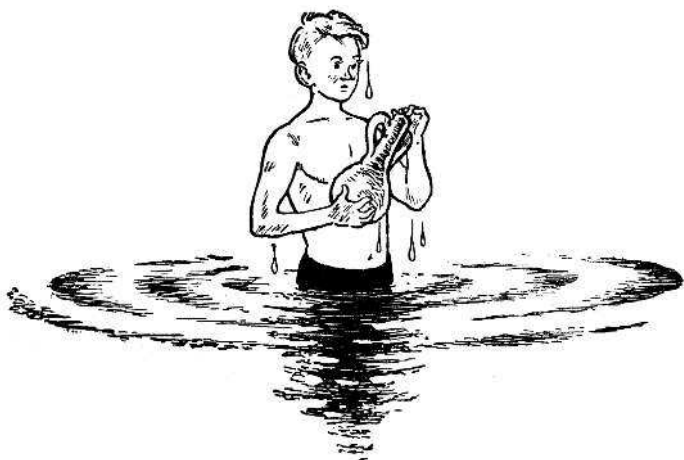
Сотни и сотни лет прошли с тех пор, как впервые были рассказаны эти сказки, но представления о счастье долго ещё связывались, а в капиталистических странах у многих людей и по сей день ещё связываются с сундуками, битком набитыми золотом и брильянтами, с властью над другими людьми.

Ах, как мечтают те люди хоть о самом завлащем джинне из старинной сказки, который явился бы к ним со своими дворцами и сокровищами! Конечно, думают они, любой джинн, проведший две тысячи лет в заточении, поневоле несколько отстал бы от жизни. И возможно, что дворец, который он преподнесёт в подарок, будет не совсем благоустроен с точки зрения современных достижений техники. Ведь архитектура со времён калифа Гарун аль Рашида так шагнула вперёд! Появились ваннные комнаты, лифты, большие, светлые окна, паровое отопление, электрическое освещение... Да ладно уж, стоит ли придишаться. Пусть дарит такие дворцы, какие ему заблагорассудится. Были бы только сундуки с золотом и брильянтами, а остальное приложится: и почёт, и власть, и яства, и блаженная, праздная жизнь богатого «цивилизованного» бездельника, презирающего всех тех, кто живёт плодами своих трудов. От такого джинна можно и любое огорчение стерпеть. И не беда, если он не знает многих правил современного общежития и светских манер и если он иногда и поставит тебя в скандальное положение. Чародею, швыряющемуся сундуками с драгоценностями, эти люди всё простят...

Ну, а что, если бы такой джинн да вдруг попал в нашу страну, где совсем другие представления о счастье и справедливости?

Я старался вообразить, что получилось бы, если бы джинна спас из заточения в сосуде самый обыкновенный мальчик, такой, каких миллионы в нашей стране.

И вдруг я, представьте себе, узнаю, что Волька Костыльков, тот самый, который жил раньше у нас в Трёхпрудном переулке, ну, тот самый Волька Костыльков, который в прошлом году в лагере лучше всех нырял... Впрочем, давайте я вам лучше всё расскажу по порядку.

Глава 1

НЕОБЫКНОВЕННОЕ УТРО

В семь часов тридцать две минуты утра весёлый солнечный зайчик проскользнул сквозь дырку в шторе и устроился на носу ученика шестого класса Вольки Костылькова. Волька чихнул и проснулся.

Как раз в это время из соседней комнаты донёсся голос матери:

— Нечего спешить, Алёша. Пусть ребёнок ещё немножко поспит — сегодня у него экзамены.

Волька поморщился.

Когда это мама перестанет наконец называть его ребёнком!

— Ну что за чепуха! — ответил за перегородкой отец. — Парню скоро тринадцать лет. Пускай встаёт и помогает складывать вещи... У него вот-вот борода начнёт пробиваться, а ты всё: ребёнок, ребёнок...

Складывать вещи! Как он мог это забыть!

Волька сбросил с себя одеяло и стал торопливо натягивать штаны. Как он мог забыть! Такой день!

Семья Костыльковых переезжала сегодня на новую квартиру в новеньком пятиэтажном доме. Ещё накануне вечером почти все вещи были запакованы. Мама с бабушкой уложили посуду в ванночку, в которой когда-то, давным-давно, купали младенца Вольку. Отец, засучив рукава и по-сапожнички набрав полный рот гвоздей, заколачивал ящики с книгами. Потом все спорили, где складывать вещи, чтобы удобнее было их выносить утром. Потом пили чай по-походному, за столом без скатерти. Потом решили, что утро вечера мудренее, и легли спать.

Одним словом, уму непостижимо, как это он мог забыть, что они сегодня утром переезжают на новую квартиру...

Не успели напиться чаю, как с грохотом ввалились грузчики. Первым делом они широко распахнули обе половинки двери и зычными голосами спросили:

— Можно начинать?

— Пожалуйста, — ответили одновременно мать и бабушка и страшно засуетились.

Волька торжественно вынес на улицу к крытому трёхтонному грузовику диванные валики и спинку.

— Переезжаете? — спросил у него соседский мальчишка.

— Переезжаем, — небрежно ответил Волька с таким видом, словно он переезжал с квартиры на квартиру каждую неделю и в этом не было для него ничего удивительного.

Подошёл дворник Степаныч, глубокомысленно свернул сигарку и неожиданно завёл с Волькой солидный разговор, как равный с равным. У мальчика от гордости и счастья слегка закружилась голова. Он набрался духу и пригласил Степаныча в гости на новую квартиру. Дворник сказал: «С нашим удовольствием». Словом, налаживалась серьёзная и положительная беседа двух мужчин, когда вдруг из квартиры раздался голос матери:

— Волька! Волька!.. Ну куда девался этот несносный ребёнок?

Волька помчался в опустевшую, непривычно просторную квартиру, в которой сиротливо валялись обрывки старых газет и пузырьки из-под лекарств.

— Наконец-то! — сказала мать. — Бери свой знаменитый аквариум и срочно влезай в машину. Будешь там сидеть на диване и держать аквариум в руках. Больше девать его некуда. Только смотри не расплескай воду на диван...

Непонятно, почему родители так нервничают, когда переезжают на новую квартиру.

Глава 2

ТАИНСТВЕННЫЙ СОСУД

В конце концов Волька устроился неплохо. Внутри машины царил таинственный и прохладный полумрак. Если зажмурить глаза, можно было вообразить, будто едешь не по Трёхпрудному

переулку, в котором прожил всю свою жизнь, а где-то в далёких сибирских просторах, где тебе предстоит в суровых боях с природой возводить новый гигант советской индустрии. И конечно, в первых рядах отличников этой стройки будет Волька Костыльков. Он первый соскочит с машины, когда караван грузовиков прибудет к месту назначения. Он первый раскинет свою палатку и предоставит её заболевшим в пути, а сам, перекидываясь шуточками с товарищами по стройке, останется греться у костра, который он же быстро и умело разведёт. А когда в трескучие морозы или свирепые бураны кое-кто вздумает сдавать темпы, ему будут говорить: «Стыдитесь, товарищ! Берите пример с показательной бригады Владимира Костылькова...»

За диваном возвышался ставший вдруг удивительно интересным и необычайным перевернутый вверх ногами обеденный стол. На столе дребезжало ведро, наполненное разными склянками. У боковой стенки кузова тускло поблёскивала никелированная кровать. Старая бочка, в которой бабушка квасила на зиму капусту, неожиданно приобрела столь таинственный и торжественный вид, что Волька нисколько не удивился бы, если бы узнал, что именно в ней проживал когда-то философ Диоген, тот самый, который из древней греческой истории.

Сквозь дырки в брезентовых стенках пробивались тоненькие столбики солнечных лучей. Волька прильнул к одной из них. Перед ним, словно на экране в кино, стремительно пробегали весёлые и шумные улицы, тихие и тенистые переулки, просторные площади, по которым во всех четырёх направлениях двигались в два ряда пешеходы. За пешеходами, поблёскивая про-

сторными зеркальными витринами, возвышались неторопливо убежавшие назад магазины, наполненные товарами, продавцами и озабоченными покупателями; школы и дворы при школах, уже пестревшие белыми блузами и красными галстуками наиболее нетерпеливых школьников, которым не сиделось дома в день экзаменов; театры, клубы, заводы, красные громады строящихся зданий, ограждённые от прохожих высокими дощатыми заборами и узенькими, в три доски, деревянными тротуарами.

Вот мимо Волькиного грузовика медленно проплыло приземистое, с круглым, кирпичного цвета куполом заветное здание цирка. На его стенах не было теперь обольстительных реклам с ярко-жёлтыми львами и красавицами, изящно стоящими на одной ножке на спинах неопишимо роскошных лошадей. По случаю летнего времени цирк перешёл в Парк культуры и отдыха, в огромный брезентовый шатёр. Недалеко от опустевшего цирка грузовик обогнал голубой автобус с экскурсантами. Десятка три карапузов, держась по двое за руки, шли по тротуару и солидно пели звонким, но нестройным хором: «Не нужен нам берег турецкий!..» Наверно, это детский сад шёл гулять на бульвар... И снова убежали от Вольки школы, булочные, магазины, клубы, заводы, кинотеатры, библиотеки, новостройки...

Но вот грузовик, устало фырча и отдуваясь, остановился у подъезда нового Волькиного дома. Грузчики ловко перетасили вещи в квартиру и уехали.

Отец, кое-как распаковав ящики с самыми необходимыми вещами, сказал:

— Остальное доделаем после работы.

И ушёл на завод.

Мама с бабушкой принялись распаковывать кухонную и столовую посуду, а Волька решил сбежать тем временем на реку. Правда, отец предупредил, чтобы Волька не смел без него ходить купаться, потому что тут страшно глубоко, но Волька быстро нашёл для себя оправдание:

«Мне необходимо выкупаться, чтобы была свежая голова. Как это я могу явиться на экзамен с несвежей головой!»

Просто удивительно, как Волька умел всегда придумывать оправдание, когда собирался делать то, что ему запрещали!..

Это большое удобство, когда река недалеко от дома. Волька сказал маме, что пойдёт на берег готовиться по географии. И он действительно собирался минут десять полистать учебник. Но, прибежав на реку, он, не медля ни минуты, разделся и бросился в воду. На берегу не было ни одного человека. Это было хорошо и плохо. Хорошо — потому, что никто не мог ему помешать всласть выкупаться. Плохо — потому, что некому было восторгаться, как красиво и легко Волька плавает и в особенности как он замечательно ныряет.

Волька наплавался и нанырлся до того, что буквально посинел. Тогда он решил, что хватит, совсем было вылез из воды, но передумал и напоследок ещё разок нырнул в ласковую прозрачную воду, до дна пронизанную ярким полуденным солнцем.

И вот в тот самый миг, когда Волька уже собирался подняться на поверхность, его рука вдруг нащупала на дне реки какой-то продолговатый предмет. Волька схватил его и вынырнул у самого берега. В его руках был скользкий, замшевый глиняный сосуд необычной формы. Больше

всего он походил, пожалуй, на древнюю амфору. Его горлышко было наглухо замазано зелёным смолистым веществом, на котором было выдавлено нечто, отдалённо напоминавшее печать.

Волька прикинул сосуд на вес. Сосуд был тяжёлый, и Волька обмер.

Клад! Клад со старинными вещами, имеющими огромное научное значение!.. Вот это здорово!

Быстренько одевшись, он помчался домой, чтобы в укромном уголке распечатать сосуд.

Пока он добежал до дому, в его голове уже успела сложиться заметка, которая завтра обязательно появится во всех газетах. Он даже придумал для неё название: «Пионер помог науке».

«Вчера в N-е отделение милиции явился пионер Костыльков Владимир и вручил дежурному клад из редких старинных золотых вещей, найденный им на дне реки, на очень глубоком месте. Клад передан милицией в Исторический музей. По сведениям из достоверных источников, Костыльков Владимир — прекрасный ныряльщик».

Проскользнув мимо кухни, где мама готовила обед, Волька юркнул в комнату с такой быстротой, что чуть не сломал себе ногу: он споткнулся о люстру, которую ещё не успели повесить. Это была знаменитая бабушкина люстра. Когда-то, ещё до революции, её собственноручно переделал покойный дедушка из висячей керосиновой лампы. Это была память о бабушке, и бабушка ни за что в жизни с ней бы не рассталась. А так как вешать её в столовой было не так уж красиво, то предполагалось повесить её как раз в той комнате, куда сейчас и забрался Волька. На сей предмет был уже вколочен в потолок большущий железный крюк.

Потирая ушибленную коленку, Волька запер за собой дверь, вытащил из кармана перочинный ножик и, дрожа от волнения, соскрёб печать с горлышка сосуда.

В то же мгновение вся комната наполнилась едким чёрным дымом и что-то вроде бесшумного взрыва большой силы подбросило Вольку к потолку, где он и повис, зацепившись штанами за тот самый крюк, на который предполагалось повесить бабушкину люстру.

Глава 3

СТАРИК ХОТТАБЫЧ

Пока Волька, раскачиваясь на крюке, пытался разобраться в том, что произошло, дым понемножку рассеялся, и Волька вдруг обнаружил, что в комнате, кроме него, находится ещё одно живое существо. Это был тощий и смуглый старичок с бородой по пояс, в роскошной чалме, тонком белом шерстяном кафтане, обильно расшитом золотом и серебром, в белоснежных шёлковых шароварах и нежно-розовых сафьяновых туфлях с высоко загнутыми носками.

— Апчхи! — оглушительно чихнул старичок и пал ниц. — Приветствую тебя, о прекрасный и мудрый отрок!

Волька зажмурил глаза, снова их раскрыл: нет, этот удивительный старичок, пожалуй, ему и на самом деле не мерещился. Вот он, потирая

сухонькие ладошки и всё ещё не поднимаясь с колен, таращит умные и не по-стариковски шустрые глаза на обстановку Волькиной комнаты, словно это невесть какое чудо.

— Вы откуда? — осторожно осведомился Волька, медленно раскачиваясь под самым потолком, точно маятник. — Вы... Вы из самодеятельности?

— О нет, о юный мой повелитель, — высокопарно отвечал старичок, оставаясь всё в том же неудобном положении и немилосердно чихая, — я не из неведомой мне страны Самодеятельность. Я вот из этого трижды проклятого сосуда.

С этими словами он вскочил на ноги, бросился к валявшемуся поблизости сосуду, из которого ещё продолжал струиться небольшой дымок, и стал яростно его топтать, пока от сосуда не остался ровный слой мелких черепков. Затем старичок с хрустальным звоном выдернул из бороды волосок, разорвал его, и черепки вспыхнули каким-то небывалым, зелёным пламенем и мгновенно сторели без следа.

Но Вольку всё ещё глодало сомнение.

— Что-то вроде не похоже... — протянул он, — сосуд был такой маленький, а вы такой... сравнительно большой.

— Не веришь, презренный?! — свирепо вскричал старичок, но тут же взял себя в руки, снова рухнул на коленки и с такой силой стукнулся при этом лбом о пол, что в аквариуме заметно колыхнулась вода и сонные рыбки всполошённо заметались взад и вперёд. — Прости меня, о юный мой спаситель, но я не привык, чтобы мои слова брались под сомнение... Знай же, благословеннейший из отроков,

